

В статье представлен анализ актуальных особенностей «эстетики» маргинальных городских пространств, в частности размещенных и нашедших отражение в средствах массовой информации, мессенджерах, городских мифах и теориях. Продемонстрировано, как городские территории, ранее ассоциируемые с разрушением и упадком, вызывают заинтересованность у молодежи, людей творческих профессий, благодаря чему возникают новые эстетические ценности и нарративы. Современная реальность отражает важность общественного, эстетического, исторического значения маргинальных территорий города и вариантов преобразования этих территорий в будущем.

Ключевые слова: маргинальные городские пространства; эстетика; городская культура; репрезентация; урбанизация; мифологизация. /

This article presents an analysis of the current aesthetics of marginal urban spaces, particularly those reflected in the media, messaging apps, urban myths, and theories. This study demonstrates how urban spaces previously associated with decay and decline are attracting the interest of younger generations and creative professionals, giving rise to new aesthetic values and narratives. The authors conclude that contemporary reality reflects the exceptional social, aesthetic, and historical significance of marginal urban spaces, as well as options for their future transformation.

Keywords: marginal urban spaces; aesthetics; urban culture; representation; urbanization; mythologization.

Эстетизация маргинальных городских пространств / Aesthetics of the marginalization of urban spaces

текст

Анастасия Гарнага

Тихоокеанский
государственный
университет
(Хабаровск)

Ирина Гареева

Тихоокеанский
государственный
университет
(Хабаровск)

Людмила Дьячкова

Тихоокеанский
государственный
университет
(Хабаровск)

text

Anastasia Garnaga

Pacific National University
(Khabarovsk)

Irina Gareeva

Pacific National University
(Khabarovsk)

Lyudmila Dyachkova

Pacific National University
(Khabarovsk)

Исследование выполнено
за счет гранта Российского
научного фонда № 26-
78-10186, [https://rscf.ru/
project/26-78-10186/](https://rscf.ru/project/26-78-10186/)

Acknowledgements: The
research was supported by
the grant of the Russian
Science Foundation
No. 26-78-10186,
[https://rscf.ru/
project/26-78-10186/](https://rscf.ru/project/26-78-10186/)

В социологии и урбанистике маргинальные городские территории уже давно стали объектом пристального наблюдения. В историческом контексте научные изыскания акцентировали внимание на социальных явлениях, отражающих отчуждение и депривацию городских пространств: гетто, лагерей для беженцев, неформальных поселений. Пространство и маргинальность имеют прочную корреляцию, что было обозначено еще в ранних исследованиях социологической школы Чикаго. По мнению специалистов, пространственность является ключевой характеристикой, воздействующей на социальное расслоение, тогда как современные исследователи акцентируют внимание на структурной деятельности. Именно она влечет за собой «развертывание» маргинальных территорий в современном исследовательском поле. Кроме того, в поле зрения находятся подходы к улучшению жизни населения в границах этих территорий. Проблема урбанизации и упаднического образа жизни находит отражение в трудах ученых Азии. В качестве примеров они используют печальный опыт Индии и Бангладеш. Объектом изучения российских экспертов становится концепция «другого», затрагивающая исследование жизни бездомных через призму философии [5]. В начале двадцатого века научный понятийный аппарат по проблеме маргинальности пополняется таким термином, как «перформативность» городских территорий. Маргинальные пространства начинают осваиваться средствами массовой информации, кино, литературой, что влечет за собой распространение интереса к путешествию по трущобам. В этот момент научное сообщество начинает исследовать актуальные социальные феномены – женские права, территориальную стигматизацию, аффективность и материальность, проявляющие себя в контексте трущоб. Так, в кинематографе изучению подлежат документальные, неореалистические приемы, которые используются при отражении подлинной жизни в трущобах. Такой подход мы можем увидеть в известном фильме XX века «Генералы песчаных карьеров».

Основной идеей представленной работы является исследование эстетической привлекательности заброшенных городских территорий для различных социальных слоев, не являющихся маргиналами. Как правило, в по-

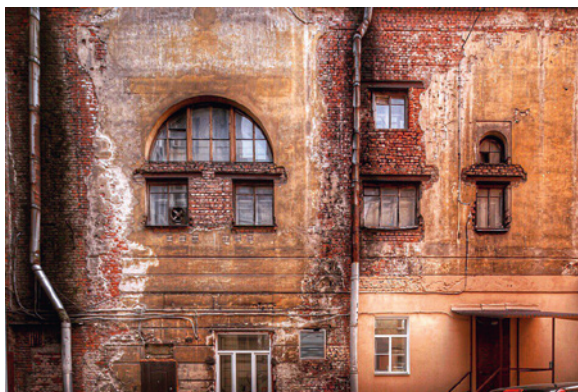
добных работах рассматриваются социально-экономические процессы и барьеры, порождающие заявленную проблему исследования и фиксируемые в таких районах. Однако в своей работе мы стремимся продемонстрировать, как заброшенные постройки и бывшие промышленные зоны превращаются в культурно-эстетические объекты, привлекающие внимание молодежи, представителей творческих профессий, сталкеров и других субкультур [5].

Содержание концепции новой маргинальности (публикации основателя Лоика Вакана служат теоретическим фундаментом данной работы) заключается в развертывании участков социальной депривации с неповторимой семиотикой [9]. В расширенной концепции, представленной работами российских исследователей А. Ю. Казаковой и Ю. В. Преображенского, раскрывается понимание того, что маргинальные территории представляют собой площадку для стихийных культурных мероприятий, отражающих ранее не исследуемые проблемы эстетики [3, 6]. В своем исследовании Д. О. Тимошкин приводит в качестве примера город Иркутск, где с помощью передовых цифровых медиа маргинальные пространства получают вторую жизнь. Современные инструменты способствуют развертыванию «карт невидимости» внутри контента, потребляемого юзерами [7].

Обширную информацию по исследованию, обусловленную как формой расселения жителей, так и обилием маргинальных пространств, предоставляют мегаполисы. Город расширяется за счет интегрируемых в него агломераций и поселений. Высокая плотность населения, разнообразие стилей жизни, раздробленность этнической и социально-профессиональной структуры, возможность выбора любой профессии или сферы занятости – все эти аспекты характеризуют мегаполис [1]. Поэтому в мегаполисах маргинальность – это нормальное явление для больших человеческих сообществ, даже если учесть их постоянную изменчивость и миграцию. Город представляет собой сложную социально-пространственную мозаику, где трансформации происходят неравномерно, в зависимости от специфики организации каждого района. Некоторые территории города меняются быстрее остальных и поэтому становятся непохожими на остальной город. Такие места называют пространственными

< Рис. 1. Ирония над неудачными урбанистическими проектами. Барнаул

< Рис. 2. Романтизация изображений «потертых» поверхностей. Санкт-Петербург

окраинами. Пространственная маргинальность проявляется в пограничных зонах городской среды, где сосуществуют различные исторические и перспективные тенденции развития территорий [8].

Особенно в больших городах можно часто фиксировать, что реальность отличается от планов. Примером тому могут быть заброшенные здания, недостроенные жилые, общественные и промышленные объекты. В городах много зданий и сооружений, которые перестали использоваться по разным причинам: долгострой, заброшенные памятники архитектуры, заводы. Такие объекты создают проблемы для городской среды и вызывают у жителей негативные эмоции, чувство неустроенности и грусти. Эти объекты указывают на потерю интереса со стороны властей и застройщиков и создают проблемы для местных жителей [1].

Целостность архитектуры влияет на восприятие образа города, так как создает ощущение завершенности и узнаваемости среды, а также указывает на функциональность и назначение объектов. Негативное влияние на человека оказывают недостроенные и заброшенные территории, неубранный строительный мусор, свалки и бездомные, которые собираются вокруг них. Негативное воздействие оказывают не только реальные проблемы, но и общее впечатление от заброшенности и неухоженности места. Без должной организации городской среды человек испытывает трудности с восприятием архитектуры, что может вызвать чувство подавленности и отчужденности [4].

Исследование современных публикаций по заявленной проблеме позволило нам выйти на интернет-ресурсы об «эстетике» маргинальных пространств. В качестве информационных источников в январе-марте 2025 года были выбраны каналы «ВКонтакте» и Telegram и изучены 250 публикаций групп, обсуждающих городские окраины, объекты промышленной архитектуры, общественные здания и сооружения, жилые здания, по тем или иным причинам не выполняющие функции своего непосредственного назначения в настоящее время. В выборку были включены публикации, просмотр которых составлял 500 и более. В отобранных публикациях посредством ведения полевого дневника и составления Excel таблицы фиксировались ссылки, текстовые фрагменты и графические материалы, критерии оценки, что позволило

сформировать исследовательский массив. В качестве признаков фиксировались эмоциональные реакции посетителей канала (эмодзи — сердца, огоньки, аплодисменты, большой палец вниз, большой палец вверх и комментарии). Посредством контент-анализа исследовательский материал был обработан с целью выявления родственных характеристик объекта исследования, что позволило отметить комплементарный дискурс при характеристиках маргинальных пространств разных городских локаций.

Для описания полученных данных мы использовали нарративы, предложенные А. К. Бурмич. Так, романтизация городской деградации через изображение «потертых» поверхностей вполне объяснима (рис. 1). В период бурных перемен и трансформаций люди чаще обращаются к образам прошлого. Это способ справиться со стрессом от нестабильного настоящего: прошлое навеивает «теплые» мысли и воспоминания, прошлое успокаивает.

Ирония над неудачными урбанистическими проектами находит отражение в оценках и публикациях как профессионалов (архитекторов и экспертов), так и в оценках обывателей (рис. 2). Так, одна из экспертов городского планирования из Швеции дала интервью на условиях анонимности изданию BoreadPanda, в котором отметила, что общественные места должны соответствовать стандартам безопасности и доступности, эстетическим стандартам. Элементы застроенной среды должны находиться в гармонии друг с другом и с окружающей средой. В современной застройке городов можно наблюдать соседство деревянного купеческого дома (как исторической ценности, но не жилой и не востребованной) и многоэтажек из стекла и бетона.

Документация «исчезающей» архитектуры — это фиксация утраченных или маргинализированных пространств. В качестве примера мы использовали историю Москвы. Москвичи часто отмечают места навсегда утраченной Москвы: Красные ворота, символ победы в Полтавской битве; Крестовские водонапорные башни, которые выполняли важную функцию водоснабжения для города; Сухарева башня и дом Анненковых на Кузнецком мосту. Исчезнувшие шедевры российской архитектуры мы можем наблюдать только по оставшимся старым фотографиям или рисункам. Этот нарратив мы дополнили категорией «утраченные надежды» (рис. 3).

> Рис. 3. «Исчезающая архитектура»: фиксация утраченных или маргинализованных пространств. Балашиха

В нее представляется возможным включить исторически значимые объекты – Чудов и Вознесенский монастыри в Москве, Спас на Сенной в Санкт-Петербурге, Воскресенский собор в Кольском остроге, Крепость Ям в Кингисеппе, разрушенные по невыясненным причинам [2].

Эстетика городских окраин, распространяемая через социальные сети и форумы, показывает, как важна окружающая среда для эмоционального состояния человека. Зброшенные промьшленные зоны, ветхие жилые здания и городские объекты, которые раньше считались признаками упадка, сейчас привлекают внимание и становятся источником вдохновения благодаря цифровым платформам. Снимки обшарпанных стен с отшелушивающейся краской, зарослями бурьяна, проржавевшими сооружениями и граффити, распространяемые в интернете, меняют восприятие маргинальных зон, делая их визуально интересными.

Традиционный взгляд на городское пространство в урбанистике и социологии предполагает существование вертикальной структуры, в которой ключевые элементы – власть, экономика и культура – задают тон восприятию и оценке различных зон города. В рамках этой системы маргинальные зоны, отличающиеся физическим упадком, социальной изоляцией и чувством отчужденности от общественной жизни, часто остаются незамеченными широкой аудиторией и намеренно игнорируются в дискуссиях.

Однако в последние годы отмечается заметный сдвиг в восприятии городских окраин, связанный с ростом интереса к их эстетической составляющей. Этот процесс проявляется в различных формах медиаконтента, распространяемого через социальные сети, мессенджеры и специализированные онлайн-платформы, что придает ему современный оттенок.

Практика декорирования полуразрушенных зданий баннерами перед официальными мероприятиями подчеркивает противоречие между официальным подходом и действительностью. В то же время наблюдается противоположная тенденция: некоторые каналы представляют заброшенные территории как объекты визуального интереса. Изучение 250 публикаций групп, обсуждающих городские окраины в социальных сетях «ВКонтакте» и Telegram за январь–март 2025 года, показало, что чаще всего встречаются три основных нарратива:

- романтизация городской деградации через изображение «потертых» поверхностей;
- ирония над неудачными урбанистическими проектами;
- документация «исчезающей» архитектуры. Это явление связано с результатами исследования творческих пространств, где отмечается, что заброшенные здания становятся площадками для спонтанного самовыражения [2].

В современных СМИ маргинальные городские пространства часто изображаются как красивые и интересные места. Анализ контента, найденного на сайтах

Familio. Media, в группах «ВКонтакте», блогах LiveJournal и на платформе «Яндекс. Дзен», а также в материалах СМИ, позволяет определить основные аспекты этого явления.

Familio. Media акцентирует внимание на поэтике руин, представляя их как площадку для диалога с историей. Зброшенные локации рассматриваются как объекты визуального и повествовательного потребления. Эстетизация временной остановки достигается благодаря использованию ностальгических нарративов, визуальных метафор и интертекстуальных отсылок. Личные истории, связанные с забытыми местами, делают их «свидетелями прошлого». Разрушение становится красивым. Руины сравниваются с произведениями искусства; упоминается археология, что возводит обыденные вещи в ранг культурных ценностей. Таким образом, происходит романтизация городской деградации, где заброшенные места кажутся «застывшими во времени» и приобретают атмосферу «подлинности», служат источником творчества, объединяя сухие факты о заброшенных местах с личными переживаниями и впечатлениями. Familio. Media делает акцент на индивидуальном восприятии, не допуская превращения маргинальности в массовый миметический контент.

В статье «Эстетика заброшенного: почему эти места нас привлекают?» на платформе VK рассматривается не только эстетическая сторона заброшенных мест, но и психологические причины нашего влечения к ним, а также социокультурный феномен индустриального туризма. Когда заброшенные строения теряют свое практическое назначение, они обретают новую эстетическую значимость и становятся своего рода «машиной времени». В таких местах время становится осязаемым, а разрушение воспринимается как своего рода «творение наоборот», когда природа берет верх. Метафоры заброшенных мест – ржавая калитка, темнота, капающая вода – придают им загадочность и ощущение приключения. Людей привлекают заброшенные места из любопытства, желания ощутить подлинность, соприкоснуться с историей помимо музеев, а также из-за потребности разгадывать тайны и изучать «серые зоны» городов. Автор считает индустриальный туризм субкультурой со своими особенностями, ценностями и языком. Эта субкультура возникла под влиянием постапокалиптического жанра в видеоиграх и непосредственно игры S.T.A.L.K.E.R., что объясняет увлечение заброшенными местами. Для представления этой темы автор использует такие методы, как подробное описание деталей заброшенных мест, цитаты экспертов, обращение к личному опыту и анализ сленга и символики субкультур сталкеров и диггеров. Автор делает акцент на эстетической стороне, которая выражается в романтизации разрушений, уникальности заброшенных мест и сравнении их с произведениями искусства. В тексте говорится о том, что заброшенные здания представлены как «поэзия руин», где разрушение становится искусством, а природа превращает их в «свой материал».

Современная «эстетика» маргинальных городских пространств – это сложное явление, в котором соединяются историческая память, мифы, личные истории и визуальные образы. Изучение репрезентации маргинальных городских пространств в СМИ, социальных сетях и городском фольклоре позволяет определить их значимость в формировании городской культуры и самоидентификации. Рассмотренные примеры – пост в LiveJournal, статья о Ховринской больнице и публикация о сносе заброшенной больницы в Екатеринбурге – демонстрируют, как маргинальные пространства становятся объектами мифотворчества, эмоционального восприятия и культурного осмысления. Так, статья о Ховринской больнице содержит реальные факты о строительстве больницы и популярные мифы, создавая сложный образ,

где реальность сочетается с фантазией. История Ховринской больницы демонстрирует конфликт между идеалами советской эпохи и реальностью, который привел к тому, что больница стала символом упадка. Екатеринбургская больница привлекает внимание своей историей, связанной с военными и послевоенными событиями. Это делает ее значимой для коллективной памяти горожан.

История Ховринской больницы берет свое начало в 1970 годы. Нестандартный проект многопрофильной больницы на 1300 коек, разработанный группой архитекторов, был реализован в 1980 году. В 1990 годы больницу стали оснащать оборудованием, сантехникой, мебелью, но в 1992 году работы были прекращены и окончательно заморожены. Версии прекращения строительства и консервации стройки выдвигались различные – от нехватки финансирования до проектных просчетов и ошибок. Подвалы здания начали затопливаться грунтовыми водами, а само здание стало погружаться в грунт. Более 30 лет объект не охранялся, не было и решений по его дальнейшей эксплуатации или сносу. К 2012 году, по оценке экспертной комиссии Мосгорстройнадзора, готовность объекта составляла 42%, а износ 65%. Решение о сносе объекта было принято в 2016 году, однако демонтажные работы начались лишь в октябре 2018 года.

В советской России объекты социального назначения (больницы, поликлиники, женские консультации, детские сады, жилые дома) часто строились по типовым проектам. Проект Ховринской больницы отличался от привычных. Здание было выполнено в форме звезды с тремя лучами и разветвлениями на концах. В конструкциях использовался железобетон, поэтому форма здания была выполнена в стиле брутализма. Если смотреть на здание сверху, то его очертания напоминали знак биологической опасности. Впоследствии здание получало много вернакулярных названий, но из-за схожести со знаком опасности зданию было присвоено прозвище «Амбrella». Ховринская больница получила художественное воплощение в фильме «Ховрино. Блог из преисподней», в повести «Кремль 2222. Ховрино», в книге «Край чудес».

Похожая судьба и у Свердловской (Екатеринбургской) больницы почти со столетней историей. Проектирование больницы было начато в 1920 годы, и через 18 лет строительство больницы было завершено. Здание включало элементы неоклассики. В 1943 году больница приобрела статус Центральной клинической больницы города Свердловска. Она работала до 1999 года, в 2000 году спецкомиссия города Екатеринбурга расформировала больницу с целью проведения капитального ремонта. Капитальный ремонт не начался, а в 2021 году здание больницы было исключено из Единого государственного реестра.

Эти два примера объединены несколькими факторами;

- отсутствие интереса собственников и городских властей к проблеме здания;
- повышенный интерес к посещению зданий у подростков, людей без определенного места жительства, криминогенных элементов;
- частые факты травматизации и гибели людей как случайно, так и по причине насильственных действий;
- высокий уровень мифологизации с негативным контекстом;
- высокий интерес к заброшенным зданиям среди сектантов, неформалов и пр.

В контексте исторической памяти маргинальные пространства могут рассматриваться как хранители следов прошлого, отражающие ключевые этапы развития города или страны. Например, один из пользователей LiveJournal отмечает связь между появлением заброшенных территорий и постсоветским периодом, акцентируя внимание на том, что они символизируют экономические и социальные изменения 1990 годов.

Мифологизация маргинальных пространств играет ключевую роль в их репрезентации. Городские легенды, например, рассказы о сатанистах в заброшенных домах, призраках в екатеринбургской больнице или складах в забытых банях превращают эти места в объекты, овеянные тайной и страхом. Легенды не только создают определенное восприятие маргинальных зон, но и привлекают туда любителей приключений и острых ощущений. Мифы превращают заброшенные места в нечто большее, чем они были изначально.

Глубокая эмоциональная связь с непопулярными местами также определяет наше отношение к ним. Например, рассказ автора блога о посещении бани в детские годы показывает, как эти объекты становятся частью индивидуальной и коллективной памяти. Ностальгия по красоте старых построек пробуждает сильные эмоции, сочетающие меланхолию и восторг. «Эстетика» руин и упадка обращает внимание на красоту маргинальных пространств, даже если они находятся в плохом состоянии.

СМИ и мессенджеры представляют маргинальные пространства с помощью фактов, легенд, визуальных образов и драматического повествования, создавая уникальные образы и привлекая внимание аудитории. Заброшенные здания создают яркие и эмоциональные образы, которые надолго остаются в памяти. Вопросы о смысле и значении этих мест помогают задуматься о социальных и психологических проблемах, связанных с маргинальными пространствами.

«Эстетика» заброшенных мест завораживает и привлекает любителей экстрима и ценителей городской культуры. Ностальгия по ушедшей эпохе усиливает культурную ценность этих мест, даже если они находятся в упадке. Противоречие между прошлым блеском, красотой и нынешним упадком усиливает эмоциональное воздействие, делая заброшенные места объектами восхищения и сожаления.

Заброшенные места создают городскую мифологию, формируют историческую память и влияют на восприятие городской среды, так как они вызывают размышления о происхождении города, его знаменитых личностях и прошлом. Эти материалы обсуждают социальные и экономические факторы, которые влияют на заброшенные места, а также роль СМИ и соцсетей в создании их имиджа.

Таким образом, анализ отражения «эстетики» городских окраинных территорий (на основе Familio. Media, групп в социальной сети «ВКонтакте», LiveJournal, материалов о ХЗБ и екатеринбургской больнице) показывает специфику этого явления в России и позволяет выделить следующие подходы к исследованию маргинальных городских пространств: исследование их с точки зрения личного восприятия (например, поэтика руин, личные воспоминания) и через призму социокультурного контекста (индустриальный туризм, городской миф, коллективная память). Анализ литературных источников подтверждает, что одни исследователи изучают эстетику и ностальгию по отношению к маргинальным городским пространствам, другие – их роль в обществе и культуре.

Заброшенные места обладают неповторимым шармом благодаря визуальному контрасту с благоустроенной средой. Заброшенные места становятся интересными для созерцания благодаря метафорам, сравнениям с искусством и атмосфере тайны. Эти места словно переносят нас в другое время или становятся объектами искусства, вызывая восхищение и желание разгадать их секреты.

Исторические нарративы превращают заброшенные здания в «свидетелей эпохи», делая их важными элементами культурного наследия. Легенды и мифы придают заброшенным местам загадочность и привлекают любителей приключений. Личные воспоминания усиливают эмоциональную связь с этими местами. СМИ и соцсети

используют интересные факты, визуальные образы и истории для популяризации таких мест. Визуальные описания и риторические вопросы помогают передать атмосферу и вызвать эмоции у аудитории. Это делает информацию более запоминающейся и интересной.

Familio. Media акцентирует внимание на личном взгляде авторов и стремится избежать влияния массовой культуры, в то время как популярные социальные сети, такие как «ВКонтакте», подвержены воздействию поп-культуры. В материалах о конкретных зданиях Familio. Media рассказывает личные истории, приводит исторические факты и включает элементы мифологии в формирование уникальных образов, связанных с определенными местами. Здесь «эстетика» маргинальных пространств зависит от личного восприятия, культурных особенностей и того, как они представлены в медиа.

«Эстетика» маргинальных городских пространств возникает из-за стремления к аутентичности и подлинности, которое свойственно нашему обществу в эпоху усталости от глянцевого образов и искусственных стандартов красоты. Немалая роль отводится и тоске по прошлому, особенно по советскому времени с его индустриальным размахом и чувством общности. Маргинальные территории, в отличие от новых жилых комплексов и ухоженных парков, воспринимаются как более «подлинные», так как они не были подвергнуты искусственной обработке и сохраняют следы прошлого. Заброшенные заводы, бездействующие дома культуры и полуразрушенные пионерские лагеря становятся местами, где оживает память о прошлом и происходит переоценка его ценностей, а унификация и глобализация уничтожают особенности отдельных мест. Небольшие районы с уникальными чертами и атмосферой считаются островками сопротивления, сохраняющими индивидуальность города.

Следует подчеркнуть, что интерес к заброшенным строениям не сводится только к простому наблюдению визуальных объектов. Часто этот интерес включает в себя попытки понять социальную и историческую подоплеку этих мест, обнаружить скрытые истории и судьбы людей, связанных с ними. Так, в интернете можно обнаружить группы, где люди обмениваются своими исследованиями старых зданий и собирают сведения об их прошлом. Объединяясь, заинтересованные исследователи устраивают походы в эти места. Легенды и мифы, которые передаются из поколения в поколение, придают этим местам мистическую атмосферу и таинственность. Они становятся объектами культурного наследия, так как эти истории и легенды делают их уникальными и интересными для изучения. Маргинальные зоны становятся не только объектами интереса, но и участниками культурного роста, порождая новые идеи и особенности.

В современном мире маргинальные городские пространства могут вызывать негативные социокультурные последствия: разделение территорий, ухудшение социальной ситуации и влияние на выбор жизненных стратегий людей. Есть вероятность, что разруху и бедность будут использовать ради красивых фотографий и видео, чтобы создать впечатление экзотики. Это может привести к неправильному представлению о бедности и ухудшению ситуации. Бесконтрольное посещение заброшенных мест туристами может привести к их дальнейшему разрушению, вандализму и нарушению личной жизни местных жителей, а представление маргинальных мест в положительном свете может привести к романтизации бедности и игнорированию реальных проблем, с которыми сталкиваются люди в таких районах. Для создания более гармоничного образа маргинальных городских территорий следует учитывать их эстетическое обаяние и социальную роль в истории города. Необходимо поддерживать проекты по сохранению и обновлению этих территорий, привлекая местных жителей и специалистов

в области градостроительства, архитектуры и культурного наследия.

Превращение заброшенных мест в нечто эстетичное представляет собой немаловажную часть того, как видятся маргинальные зоны. Разрушенные строения и следы упадка, которые выделяются на фоне ухоженной городской среды, начинают выглядеть более привлекательно и начинают вызывать интерес. Метафорами и сравнениями с искусством дополняется атмосфера загадки. Она делает такие «скрытые» места важной частью города. Заброшенные территории приобретают интерес благодаря своим таинственным историям. В то же время исторические детали придают им значение «свидетелей времени», взаимосвязанных с историей города или государства. Такие локации притягивают всех, кто ищет острых ощущений, изучает паранормальные явления или желает получить новые впечатления.

В средствах массовой информации и мессенджерах предлагается информация о необычных местах. При этом факты дополняются вымыслами, яркими образами и интересными историями. Указанный формат помогает удерживать контакт с аудиторией. Он делает персонажей более близкими для читателей. Реальные факты и вымысел переплетаются, формируя интересный образ, который служит информацией и средством привлечения внимания. Визуальный образ, демонстрирующий разрушения и упадок, вызывает заметный эмоциональный отклик. При этом риторические вопросы, а также цитирование заставляют читателя задумываться в качестве участника обсуждения. Familio фокусируется на индивидуальности подхода, отсутствии шаблонов и акценте на уникальности каждого места. В то же время соцсети зачастую следуют массовым трендам, что влияет на их стилистические особенности и содержание. В статьях о зданиях присутствуют повествования очевидцев, факты исторического значения и городские легенды, что помогает получать уникальный контент, который становится составляющей городской культуры.

Анализируя возможности развития эстетического переосмысления городских окраин, можно предположить несколько вероятных вариантов развития событий. Каждый из них предполагает разные пути изменения (сценарии) этих территорий и их роли в социальном и культурном ландшафте города.

Первый сценарий заключается в том, чтобы превратить маргинальные территории в часть креативной экономики (например, как московский центр дизайна ARTPLAY). В рамках этого сценария индустриальный стиль, характерный для заброшенных заводов, складов и других объектов, становится востребованным и привлекательным для представителей креативных отраслей и бизнеса. Заброшенные фабрики и склады переделывают в стильные помещения: лофты, галереи, коворкинги и кафе. Эти пространства предназначены для художников, дизайнеров, бизнесменов, представителей различных творческих профессий. Кирпичные стены, высокие потолки и металлические конструкции, оставшиеся от старых заводов, не прячут, а используют для создания нового стиля помещений [2]. Реновация зданий включает создание новой идентичности места, основанной на его прошлом. Такой подход привлекает инвестиции и создает рабочие места. Риск заключается в том, что коммерциализация может вытеснить местные сообщества и лишить эти пространства их уникальности, превращая их в модные, но обезличенные районы, доступные лишь для определенных групп населения.

Второй сценарий предполагает, что маргинальные городские пространства становятся предметом политических споров и средством выражения недовольства властью. Оппозиционные СМИ и активисты используют фотографии и видео с разрухой, запустением и упадком для демонстрации неэффективного управления, корруп-

ции и социального неравенства. Зброшенные здания становятся символами проблем в обществе – коррупции и социального неравенства. Внимание акцентируется не на красоте этих мест, а на том, как они отражают состояние города и страны. Маргинальные зоны становятся площадкой для протестов, уличных представлений и создания агитационных материалов. Такой подход стимулирует общественное обсуждение, привлекает внимание к проблемам городского развития и оказывает давление на власть. Использование маргинальных территорий для акций и агитации может вызвать общественные споры и привлечь внимание к проблемам городов, но есть вероятность, что образы маргинальности будут применяться в корыстных целях. Это может исказить реальность и усилить социальную напряженность.

Третий сценарий предполагает, что маргинальные территории станут менее значимыми в обществе, так как «эстетика» маргинальности станет популярной и проникнет в массовую культуру. В результате эти пространства превратятся в обычное оформление, утратив свою социальную и политическую роль. Разрушение и заброшенность станут модными элементами в дизайне, фотографии, кино и других областях, но без первоначального глубокого значения. Здания и благоустроенные территории будут украшены имитациями грубых кирпичных стен, облупившейся краски и ржавых конструкций, чтобы создать ощущение «старинности». Маргинальность станет только внешним атрибутом, без связи с реальными проблемами и социальным контекстом. Это может привести к обесцениванию культурного наследия маргинальных территорий и неудовлетворению потребностей людей, живущих в этих районах. Чрезмерная популярность может снизить ценность «эстетики окраин», отвлекая от настоящих социальных и экономических трудностей.

Таким образом, целесообразно акцентировать внимание на двух основополагающих подходах к пониманию маргинальных пространств: в первом подходе – акцент на сугубо личном восприятии, который проявляется посредством поэтики руин и воспоминаний; во втором подходе – включении их в наиболее широкий социокультурный контекст, в рамках которого они играют роль в индустриальном туризме, городской мифологии и коллективной памяти. В представленных подходах наблюдается их взаимное дополнение, что демонстрирует маргинальные пространства в качестве интересных аспектов не только с эстетической стороны, но и с точки зрения их социального значения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что современная реальность отражает исключительную важность общественного, эстетического, исторического значения маргинальных территорий города, а также вариантов преобразования этих территорий в будущем. В качестве вариантов развития событий следует рассматривать возможные решения. Немаловажным аспектом для принятия решений является понимание того, что любые изменения в маргинальных пространствах, включая глобальные обновления или улучшение только внешнего вида, в обязательном порядке должны не только учитывать интересы местных жителей, но также беречь историческую память и культурное наследие территорий.

Таким образом, занимающие определенное место в культурной жизни и эмоциях маргинальные пространства по-прежнему остаются основой для мифов, романтизации, иронии, ностальгии. «Эстетику» городских окраин и маргинальных пространств целесообразно рассматривать в качестве актуальной темы, зависящей от многочисленных факторов, как, например, восприятие места, описание того, что происходит в обществе и какое влияние на восприятие обществом маргинальных пространств оказывают средства массовой информации. Такие локации показывают, как именно формируется сама городская идентичность, как переосмысливается

история и ведется поиск новых способов для взаимодействия с городской средой. Используемый контекст для демонстрации в СМИ, социальных сетях и городских легендах открывает новые возможности для осознания и исследования их значения в современном городском мире, наделяет их важностью в историческом ракурсе городской идентичности.

Литература

1. Голышев, В. С., Косов, Н. А. Влияние заброшенных зданий на городские практики // Наука в мегаполисе. – 2021. – №. 1. – С. 8. – URL: mgpu – media.ru (дата обращения: 25.01.2026).
2. Бурмич, А. К., Бараненко, Д. Г. Креативное пространство как способ реабилитации заброшенных зданий // Весенние дни науки ИнЭУ: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых. – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2024. – С. 243–248.
3. Казакова, А. Ю. Жилищная депривация и территориальная стигма как атрибуты маргинальности : дисс. ... доктора социол. наук. – Ставрополь, 2019. – 647 с.
4. Каледина, А. С. Эстетические факторы влияния заброшенных зданий на человека // Наука, образование и экспериментальное проектирование. – 2021. – №. 1. – С. 362–364.
5. Лавренова, О. А. «Изнанка города»: Маргинальные ландшафты и современная визуальная культура // Наука телевидения. – 2021. – №. 17.2. – С. 61–117.
6. Преображенский, Ю. В. Пространственная маргинализация: подходы и уровни исследования // Вестник ТвГУ. Серия: География и геоэкология. – 2020. – № 2. – С. 5–12.
7. Тимошкин, Д. О. Мигранты и пространственная маргинальность в городских цифровых медиа (на примере Иркутска) // Социологическое обозрение. – 2021. – Т. 20, №. 1. – С. 124–147.
8. Тимошкин, Д. О., Пchelкина, Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярск // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2021. – №. 1 (56). – С. 56–66.
9. Туркулец, С. Е., Гареева, И. А., Слесарев, А. В., Гарнага, А. Ф. Маргинализация городского пространства (опыт социологического исследования на примере Хабаровска) // Социодинамика. – 2024. – № 12. – С. 17–37.

References

- Burmich, A. K., & Baranenko, D. G. (2024). Creative Space as a Way to Rehabilitate Abandoned Buildings. *Spring Science Days of InEU: Collection of Papers from the International Conference of Students and Young Scientists* (pp. 243-248). Yekaterinburg: Publishing House "Azhur".
- Golyshev, V. S., & Kosov, N. A. (2021). Abandoned buildings in a modern metropolis. *Science in a Megapolis*, (1), 8. Retrieved January 25, 2026, from <https://mgpu-media.ru>
- Kaledina, A. S. (2021). Aesthetic factors of influence of abandoned buildings on humans. *Science, Education and Experimental Design*, (1), 362-364.
- Kazakova, A. Yu. (2021). *Zhilishchnaya deprivatsiya i territorialnaya stigma kak atributy marginalnosti [Housing Deprivation and Territorial Stigma as Attributes of Marginality]* [Doctor of Sociological Sciences Dissertation (22.00.04)]. Stavropol.
- Lavrenova, O. A. (2021) "The seamy side of the city": Marginal landscapes and contemporary visual culture. *The Art and Science of Television*, 17(2), 61-117.
- Preobrazhensky, Yu. V. (2020). Spatial marginalization: Approaches and levels of research. *Herald of Tver State University. Series: Geography and Geoecology*, (2), 5-12.
- Timoshkin, D. O. (2021). Migrants and spatial marginality in urban digital media (the case of Irkutsk). *Russian Sociological Review*, 20(1), 124-147.
- Timoshkin, D. O., & Pchelkina, D. S. (2021). Vulnerable archaism: the visual nature of "frontier" urban spaces in Krasnoyarsk. *Ojkumena. Regional Researches*, 1(56), 56-66.
- Turkulets, S. E., Gareeva, I. A., Slesarev, A. V., & Garnaga, A. F. (2024). Marginalization of urban space: Eexperience of sociological research on the example of Khabarovsk. *Sociodynamics*, (12), 17-37.